

Стоит ли работать Исайей?

Альберт Нок

Есть ли смысл заниматься распространением заведомо непопулярных идей, и, если да, как именно следует это делать? Одним из тех, кто задался этим неблагодарным вопросом, был выдающийся либертарианский публицист Альберт Джей Нок — в 1936 году, в период торжества рузвельтовского «нового курса» и расцвета тоталитарных режимов в Европе, он призвал своих коллег-интеллектуалов не прекращать разговор с обществом и не пытаться облечь идеи свободы в легковесную форму в попытке добиться их популярности ценой упрощения. В любом обществе, считал он, остается интеллектуальное меньшинство, сохраняющее восприимчивость к казалось бы маргинальным идеям и способное стать влиятельным после неизбежного краха существующей системы, и именно оно должно быть в центре внимания тех, кто занимается продвижением ценностей свободы.

I

Прошлой осенью я как-то засиделся допоздна с одним знакомым-европейцем: он изложил мне политико-экономическую доктрину, выглядевшую бесспорной — лично я не нашел в ней ни одного изъяна. В заключение мой собеседник очень серьезно произнес: «У меня есть миссия — долг перед обществом. Я чувствую, что призван достучаться до людей. Хочу посвятить жизнь распространению своих идей в массах. Что вы об этом думаете?».

Такой вопрос всегда ставит меня в неловкое положение, а в этом случае тем более: ведь мой знакомый — очень просвещенный человек, один из трех-четырех лучших умов в своем поколении европейцев, и я, намного уступая ему по уровню знаний, естественно, воспринимал каждое его замечание с пиететом, чуть ли не переходящим в священный трепет. Тем не менее, подумал я, даже величайшему уму доступно не все, и у моего собеседника явно не было таких возможностей, как у меня, чтобы наблюдать за людскими массами вблизи, так что я знаю их лучше, чем он. Поэтому, набравшись смелости, я объяснил: никакого долга перед человечеством у него нет, и ему следует немедленно выкинуть из головы подобные мысли, ведь массам глубоко плевать на его идеи, и тем более на него самого — в подобных обстоятельствах они всегда отдадут предпочтение какому-нибудь Варавве. Я даже осмелился заметить, что мой знакомый, похоже, плохо знает литературное наследие собственного народа (он — еврей по национальности). Собеседник улыбнулся в ответ на мое поддразнивание и спросил, что я имею в виду. Тогда я напомнил ему историю пророка Исаяи.

Потом мне пришло в голову, что эта история весьма актуальна для нашего времени, когда столько умных людей и «утешителей» убеждены, что у них есть необычайно важное «послание» для масс. Так считает доктор Таунсенд, так считает преподобный Кофлин, так считают Эптон Синклер, мистер Липпман, мистер Чейз и сторонники плановой экономики, мистер Тагуэлл и команда Рузвельта, мистер Смит и «Лига свободы» — перечисление можно продолжать до бесконечности. Не припомню, когда еще столько выдающихся и энергичных личностей наперегонки проповедовали Слово столь многочисленной «пастве» и указывали, что люди должны делать, чтобы обеспечить себе спасение. В такой ситуации мне, как я упоминал выше, показалось, что в истории Исаяи есть нечто, способное укрепить и успокоить наш дух, пока эта тирания болтологии не закончится. Я перескажу его историю современным языком, ведь она состоит из отрывков, взятых из разных источников; а поскольку весьма уважаемые американские ученые сочли уместным переложить Библию на разговорный язык, при необходимости я укроюсь от обвинений в непочтительном отношении к Священному писанию за их спинами.

Итак: карьера пророка началась в конце правления царя Осии, скажем, году этак в 740 до нашей эры. Его правление было необычно долгим — оно длилось

почти пятьдесят лет — и, судя по всему, благополучным. Однако это было одно из тех благополучных царствований — вроде эпохи Марка Аврелия в Риме, Эвбула в Афинах или мистера Кулиджа в Вашингтоне, — под конец которых процветание вдруг куда-то исчезает и все начинает рушиться со страшным грохотом.

В год смерти Осии Господь поручил пророку пойти к людям и предупредить, что они вывели его из себя. «Объясни им, какое они никудышное племя, — велел он. — Объясни, что они делают не так и что с ними будет, если они не передумают и не исправятся. И давай не миндальничай. Скажи четко, что у них остался последний шанс. Режь им правду-матку в глаза и не стесняйся ее повторять». Потом он добавил: «Наверно я должен тебя предупредить, что толку от этого не будет. Политики с чиновниками и интеллигенты будут воротить от тебя нос, а массы просто пропустят твои слова мимо ушей. Они будут вести себя как прежде, пока не разрушат все собственными руками, и тебе, пожалуй, повезет, если они тебя не прикончат».

Исайя был полностью готов взять на себя это дело — он даже сам об этом просил — но такая перспектива заставила его взглянуть на ситуацию по-новому. У него возник очевидный вопрос: если все обстоит именно так, то есть затея изначально обречена на провал, какой смысл за нее браться? «Ах вот ты о чем, — ответил Господь. — Ну так ты не понимаешь главного. Среди них есть „остаток“, который небезнадежен. Те, кто в него входят, — никому не известны, неорганизованны, бессловесны, каждый из них тащит свой воз, как может. Вот этих людей и надо приободрить, воодушевить — ведь когда все пойдет к чертям, именно им предстоит построить новое общество. Пока же твои проповеди укрепят их и помогут продержаться. Короче, твоя задача — позаботиться об „остатке“, так что иди и займись делом».

II

Таким образом, если Слову Божьему можно верить (сам я на этот счет высказываться не буду), единственным достойным внимания элементом в иудейском обществе был этот самый «остаток». До Исаяи, похоже, в конце концов дошло: от масс ждать нечего, и если в Иудее можно что-то серьезно изменить, то делать это придется «остатку». Остатку. Удивительная идея, и наводит на размышления, но прежде чем развить эту тему, определимся с терминами. Что мы подразумеваем под «массами», и что — под «остатком»?

В общеупотребительном значении слово «массы» означает бедных и обездоленных, тружеников, пролетариев, но на самом деле смысл у него совершенно иной — это просто большинство. «Человек массы» не обладает ни силой интеллекта, чтобы понять принципы, на которых основывается достойная жизнь, ни силой характера, чтобы неуклонно и четко руководствоваться этими принципами в своем поведении, а поскольку такие люди составляют подавляющее большинство населения нашей планеты, в совокупности их называют «массами». Различие между массами и «остатком» определяется только качеством, а не обстоятельствами. «Остаток» состоит из тех, кто благодаря интеллекту способен осознать эти принципы и благодаря силе характера в состоянии — хотя бы в определенной степени — им следовать. Массы же не могут ни того, ни другого.

Иудейские массы в изображении Исаяи выглядят весьма неприглядно. По его мнению, «массовый мужчина», неважно, знатный или простолюдин, богатый или бедный, принц или нищий — существо малопривлекательное. Он не только недалек и слаб волен, но вследствие этого еще и подл, заносчив, алчен, беспутен, беспринципен, беззастенчив. «Женщине из массы» тоже достается от пророка: ей свойственны все неприятные качества «массового мужчины», плюс несколько собственных — тщеславие, лень, расточительность, непостоянство. Список предметов роскоши, без которых она не мыслит жизни, весьма интересен: на ум сразу приходит «женский» раздел воскресной газеты 1928 года или коллекция, представленная в одном из наших «элитарных» журналов. В другом месте Исаяя даже вспоминает о различных формах кокетства, известных нам как «фривольная походка» или «напускная скромность». Возможно, инвективы Исаяи отчасти можно списать на пророческое рвение, ведь в конце концов его задачей было не обращать заблудшие массы, а ободрять и укреплять «остаток», а потому он наверно чувствовал себя вправе обвинять всех подряд и даже утрировать — более того, именно это от него и требовалось. Но даже с такой поправкой можно сказать, что «массовый мужчина» в Иудее был отнюдь не образцом для подражания, а «массовая женщина» — откровенной мещанкой.

Если душа современного человека — знать бы еще, что это такое — не лежит к тому, чтобы принимать Слово Божье как истину в последней инстанции (приходилось слышать, что это так), следует заметить, что свидетельство Исаяи о природе

масс находит убедительное подтверждение со стороны весьма почтенного светского авторитета. Платон, живший во времена Эвбула, когда Афины переживали апогей собственной «эпохи джаза», обличает массы афинян с той же страстью, что и иудейский пророк, и даже уподобляет их стае диких голодных хищников. Отметим, кстати, что применительно к одному из сегментов афинского общества он употребляет то же слово, что и Исая — «остаток». Он утверждает: «есть лишь малый остаток» тех, кто еще обладает спасительной силой интеллекта и характера, — слишком малый, как и в Иудее, чтобы служить противовесом преобладанию невежественных и злонамеренных масс.

Однако Исая был проповедником, а Платон философом — мы же считаем проповедников и философов скорее пассивными созерцателями драмы нашей жизни, чем ее активными участниками. Поэтому может возникнуть подозрение, что в подобных вопросах их суждения чересчур бескомпромиссны, слишком ядовиты, или, как говорят французы, *saugrenu* (несоразмерны). Так что нам необходим еще один свидетель — на сей раз человек сугубо практичный, на чьи мнения подобное подозрение распространяться не может. Марк Аврелий правил величайшей из империй, и в этом качестве он мог не только непосредственно наблюдать «массового» римлянина, но и вынужден был иметь с ним дело 24 часа в сутки в течение 18 лет. Если он чего-то не знал о «человеке массы», то этого знать и не стоило, а о том, что император о нем думал, наглядно свидетельствует чуть ли не каждая страница дневника, в котором он регулярно делал записи, ни в коей мере не предназначенные для чужих глаз.

Такое мнение о массах вообще преобладает у античных авторитетов, чьи тексты дошли до нас. Однако в XVIII веке некоторые европейские философы начали распространять тезис о том, что «массовый человек» в его естественном состоянии отнюдь не таков, каким его изображали мыслители прошлого, а, напротив, вполне заслуживает интереса. Его недостатки — результат воздействия «среды», и ответственность за них, таким образом, несет общество. Если бы среда позволила ему жить по собственному разумению, он несомненно оказался бы отличным парнем, и наилучший способ обеспечить более благоприятные условия для этого — позволить ему организовать эту среду своими руками. Мощным «трамплином» для этой идеи стала Французская революция, чье влияние распространилось по всей Европе.

На нашем берегу океана полигоном для масштабного эксперимента с этой теорией стал целый новый континент. Он обладал всеми мыслимыми ресурсами, обеспечивавшими массам возможность построения цивилизации по собственному образу и подобию. Никакая сила традиции не мешала им самоутверждаться или всячески унижать «остаток». Гигантские природные богатства, неоспоримое численное преобладание, фактическая изоляция, свобода от внешнего вмешательства или страха перед ним, и, наконец, срок в полтора столетия — таковы преимущества, которыми пользовался «массовый человек» при создании цивилизации, призванной посрамить проповедников и философов прошлого, считавших, что от масс ничего существенного ожидать не приходится, а на большие дела способен только «остаток».

Однако его достижения отнюдь не впечатляют. Думается, все имеющиеся на сегодняшний день факты говорят, что представления «массового человека» о том, что может дать ему жизнь и что следует от нее брать, почти не изменились со времен Исая и Платона — и эти представления по-прежнему порождают катастрофиче-

ские социальные конфликты и потрясения. Впрочем, рассуждать на эту тему мне не хочется: замечу лишь, что чудовищно раздутое значение масс очевидно вытеснило из головы современных пророков саму мысль об их возможной миссии в отношении «остатка». Так, конечно, и должно быть в том случае, если прежние пророки и философы ошибались, и массы действительно представляют собой последнюю надежду человечества. С другой стороны, если Бог, Исая, Платон и Марк Аврелий были правы в своей оценке общественной ценности масс и «остатка», это несколько меняет дело. Более того, поскольку массы, имея столько преимуществ, зарекомендовали себя так плохо, вопрос, по которому столкнулись эти два мнения, как минимум стоит еще раз поднять.

III

Не развивая эту тему, хочу лишь, как я уже упоминал, отметить: в нынешней ситуации «должность» Исаяи явно остается вакантной. Сейчас каждый, кто считает, что ему есть что сказать, подобно моему почтенному другу-европейцу жаждет донести это «послание» до масс. Все думают только о том, чтобы завоевать их внимание и одобрение, и стараются облечь свои идеи в такую форму, которая могла бы привлечь внимание и интерес масс. Столь особое и благоговейное отношение к массам вызывает в памяти платоновское прожорливое чудовище и угодливую толпу у входа в его пещеру, изо всех сил старающуюся умиловить монстра, завоевать его расположение, понять его неразборчивое рычание, выяснить, что он хочет, и завалить его разнообразными дарами, которые, по мнению дарителей, должны ему понравиться.

Главная проблема — то, как все это отражается на самой миссии. Подобное отношение требует конъюнктурного упрощения любой идеи, полностью меняющего ее характер и низводящей ее до уровня пустышки. Если, скажем, вы проповедник, то вы хотите привлечь внимание максимально многочисленной паствы, то есть масс, а значит, ваше послание необходимо адаптировать к их уровню интеллекта и характеру. Если вы работаете в системе образования, например, руководите колледжем, вы хотите, чтобы в нем училось как можно больше студентов, и соответственно снижаете требования к ним. Если вы писатель, вы нацеливаетесь на максимально широкий круг читателей, если вы издатель, вам нужно, чтобы тираж скупался как можно лучше, если вы философ, вы хотите, чтобы у вас было как можно больше последователей, если вы реформатор, то желаете иметь многочисленных сторонников, если вы музыкант, то жаждете аншлагов, и так далее. Но, и тому повсюду есть множество примеров, при реализации этих желаний пророческие «послания» уснащаются таким количеством банальностей, что способны лишь усилить самоуспокоенность масс. В то же время «остаток», видя это опошление и понимая его причины, поворачивается к таким пророкам спиной, не желая ничего слышать об их идеях.

Исайя же в своей работе не испытывал подобных затруднений. Он проповедовал массам только в том смысле, что его проповеди были публичными. Кто хотел — слушал, кто не хотел — мог идти своей дорогой. Он знал, что «остаток» к нему прислушается, а от масс ничего нельзя ожидать ни при каких обстоятельствах, и потому не апеллировал именно к массам, не облекал свои мысли в доступную им форму, и совершенно не беспокоился о том, обратят ли они внимание на его слова. Как сказал бы сегодняшний издатель, ему было наплевать на тиражи и рекламу. Таким образом, не волнуясь обо всей этой ерунде, он мог делать свое дело наилучшим образом, без страха и лести, отчитываясь только перед своим работодателем на небесах.

Если пророк не слишком рвется заработать на своей миссии деньги или сомнительную известность, нижеследующие соображения подскажут ему, что проповедовать «остатку» — очень неплохая работа. Задача, заслуживающая того, чтобы отдаться ей всей душой, и стараться делать свою работу как можно лучше, не задумываясь о результате, — это настоящее дело, тогда как служение массам — отчасти «показуха», если учесть те условия, которые массы неизменно навязывают своим слугам. Они просят — да что там просят — требуют давать им то, что они хотят, и не желают слышать ни о чем другом. Потакать их капризам, иррациональному непостоянству, внезапной смене настроений — занятие малоприятное, не говоря уже о том, что при выполнении любых их желаний в любой конкретный момент ваш дар предвидения остается фактически незадействованным. «Остатку», напротив, нужно лишь лучшее из того, что вы можете дать — о чем бы ни шла речь. Дайте им это, и они будут довольны, а вам больше не о чем будет беспокоиться. Пророк, обращающийся к американским массам, должен сознательно ориентироваться на самый низкий уровень интеллекта, вкуса и воли, что существует среди двадцатимиллионного народа, и это не может не приводить в уныние. Тот же, кто проповедует «остатку», находится в завидном положении папаша Гайдна при дворе князя Эстерхази. Все, что от Гайдна требовалось, — это писать самую лучшую музыку, на которую он был способен, при этом композитор знал, что его труд будет понят и оценен по достоинству заказчиками, а что думают другие, его не волновало. Вот это, я понимаю, работа!

Тем не менее, как я уже говорил, в каком-то смысле это неблагодарный труд. Умея потрафить прихотям масс, всегда заранее угадывать их капризы и шатания, можно заработать неплохие деньги и получить определенного рода известность — вспомним латинскую пословицу: «Прекрасно, когда на тебя пальцем показывают и говорят: вот он!»

Все мы знаем бессчетное число политиков, журналистов, драматургов, писателей и так далее, которые таким способом добиваются личного процветания. Если же вы заботитесь об «остатке», подобных наград не ждите. Тот, кто пророчит для «остатка», не сможет похвастаться туго набитым кошельком, да и славу вряд ли приобретет. Исая был исключением из этого последнего правила; есть и другие подобные примеры, но их немного.

Итак, у кого-то может возникнуть мысль: заботиться об «остатке» — работа, конечно, хорошая, но не слишком привлекательная, ведь она плохо оплачивается. Лично я с этим не согласен. Работа может приносить удовлетворение не только в форме денег и известности, и это удовлетворение бывает достаточно существенным, чтобы придать ей привлекательность. Так, многие плохо оплачиваемые занятия бывают необычайно интересными — к ним, как говорят, относятся и занятия аспиранта. И забота об «остатке» — насколько я могу судить по результатам многолетнего наблюдения со стороны — представляется мне одним из самых интересных занятий на свете.

IV

В основном, на мой взгляд, это связано с тем, что в любом обществе «остаток» — практически неизвестная величина. Вы знаете о нем лишь две вещи — и больше ничего вам узнать не дано. В этих двух вещах вы можете быть уверены на сто процентов, но насчет остального даже сколько-нибудь обоснованные предположения исключены. Так, вы не знаете и никогда не узнаете, из кого состоит «остаток», чем эти люди занимаются или будут заниматься. Повторяю, вы можете быть уверены лишь в двух вещах: в том, что «остаток» существует, и в том, что его представители вас найдут. Помимо этих двух данностей, работа с «остатком» — это работа в кромешной тьме, но подобное условие, должен вам сказать, словно специально выдуманно, чтобы возбудить интерес у любого пророка, в достаточной мере наделенного воображением, проницательностью и пытливостью ученого — качествами, необходимыми для успеха в его ремесле.

Историка, изучающего Иудею времен Исаяи, Афины времен Платона или Рим в эпоху Антонинов, и завораживает, и приводит в отчаяние надежда найти и определить «прослойку правильно мыслящих и делающих добро» людей, которая, как он знает, должна была существовать в этих обществах, поскольку без нее жизнь любого коллектива невозможна. Он находит манящие отрывочные свидетельства на этот счет во многих источниках — в греческой антологии, записях Авла Гелия, стихах Авсония или короткой и трогательной эпиграфии на надгробиях безымянных римлян — «За добро воздастся». Но это лишь смутные, разрозненные намеки, не дающие представления о количественном или ином составе этой прослойки: они лишь подтверждают то, что ученый понимал с самого начала — эта прослойка где-то существовала. Где именно, насколько она была многочисленна, насколько могла самоутвердиться и сопротивляться массе — все эти вопросы по-прежнему остаются без ответа.

Аналогичным образом, когда будущий историк через две тысячи или даже двести лет будет изучать имеющиеся данные о качественном уровне нашей цивилизации, пытаясь выявить четкие, компетентные свидетельства о прослойке правильно мыслящих и делающих добро людей, в существовании которой сомнений быть не может, ему придется очень и очень нелегко. Собрав все сведения, какие только возможно, и сделав минимальную поправку на субъективность, расплывчатость и путаность мотивации авторов, он с сожалением придет к выводу, что конечный результат равен нулю. «Остаток» бесспорно существовал, он формировал свою прослойку, как насекомые — коралловый риф, но никакие из имеющихся фактов не дадут этому ученому представления о том, кто в него входил, как много их было и в чем состояла их деятельность.

Обо всем этом даже сегодняшний пророк знает не больше, чем историк из будущего, и именно из-за этого, повторяюсь, его работа, на мой взгляд, представляется

столь интересной. Один из самых красноречивых эпизодов в Библии, касающихся этой темы, связан с попыткой одного из пророков – единственной, что попала в анналы, насколько мне известно — подсчитать численность «остатка». Илия бежал от преследований в пустыню, но там его вскоре разыскал Господь, и спросил — что тот делает так далеко от места своей работы? Илия ответил: он бежал не из трусости, а потому что весь «остаток», кроме него самого, был истреблен. Он спасся лишь чудом, и, поскольку больше никто из «остатка» не уцелел, его гибель стала бы концом истинной веры. Бог объяснил Илие, что об этом ему не стоит беспокоиться: даже без него истинная вера, надо полагать, при необходимости уж как-нибудь пробьет себе дорогу. «Что же касается твоих сведений об „остатке“, — добавил он, — то, чтобы ты знал, в Израиле еще живы и здоровы семь тысяч его представителей. Ты о них не знаешь, но, уж поверь мне на слово, они есть».

В то время все население Израиля вряд ли превышало миллион человек, и то, что «остаток» составлял семь тысяч из этого миллиона, не могло не приободрить любого пророка. Имея семь тысяч парней на своей стороне, Илия мог не чувствовать себя одиноким, и, кстати говоря, об этом стоит вспомнить любому заботящемуся об «остатке» пророку, если его охватит хандра. Но главное здесь в другом — если уж Илия, пытаясь подсчитать численность «остатка», ошибся на семь тысяч, любой другой, кто попытается решить эту проблему, лишь попусту потратит время.

Другая истина, в которой любой пророк, служащий «остатку», может быть уверен, заключается в том, что «остаток» обязательно его найдет. На это он может положиться на все сто процентов. Ему ничего не надо делать, чтобы его разыскали; более того, если он станет что-то для этого делать, то лишь отвратит от себя «остаток». Чтобы привлечь его внимание, пророку не нужно заниматься саморекламой и выставлять себя напоказ. Если он проповедник, или, скажем, выступает публично, он может спокойно пропускать приемы, не волноваться о том, чтобы в газетах напечатали его снимки, и не рассылать для публикации свою автобиографию. Если он писатель, ему не надо посещать светские «тусовки», раздавать автографы в магазинах или задабривать рецензентов. Все это — и многое другое — обязательно и необходимо для пророка, служащего массам, входит в арсенал средств для привлечения внимания «массового человека», или, как выразился наш блестящий и темпераментный публицист Г.Л. Менкен, в технику «биения себя в грудь». Тому, кто пророчит «остатку», эти ухищрения ни к чему. Он может быть уверен, что «остаток» без посторонней помощи проторит к нему путь, и напротив, как я уже говорил, если он найдет пророка благодаря подобным ухищрениям, то скорее всего почувствует, что дело здесь нечисто, и шарахнет от него как от чумы.

Однако тот факт, что «остаток» найдет пророка, оставляет его все в том же неведении и нисколько не помогает каким-то образом оценить «остаток»; как видно из примера с Илией, он по-прежнему не знает, кто те люди, что нашли его, сколько их и где они находятся. Они не писали ему о себе, как поклонники голливудских звезд, не искали с ним личной встречи, не ходили за ним по пятам. Эти люди — другого склада. Его послания они воспринимают примерно так же, как водители — дорожные указатели, то есть не думают о самом знаке, лишь с радостью и благодарностью отмечая факт его наличия: все их мысли поглощены маршрутом.

Но это обезличенное отношение со стороны «остатка» в глазах наделенного воображением пророка чудесным образом делает его работу еще интереснее. Время от времени — достаточно часто, чтобы его пытливый интеллект работал без перебоев, — он случайно обнаруживает четкие проявления своего «послания» в самых неожиданных местах. Это позволяет пророку в минуты досуга отдаться приятным размышлениям о том, каким путем его мысль могла достичь данного круга и каков был результат. Интереснее всего те случаи — выявить их невозможно, но теоретически порассуждать на эту тему ничто не мешает — когда сам адресат уже не помнит, где и от кого он получил «послание», или вообще позабыл, что эта идея пришла к нему извне, а не родилась в его собственной голове.

Такие случаи вероятно происходят нередко, поскольку, даже не претендуя на принадлежность к «остатку», все мы несомненно можем припомнить, как вдруг оказались под влиянием какой-то идеи, источник которой нам трудно определить. «Задним умом», — говорим мы в таких случаях, имея в виду, что осознали ее только после того, как она полностью «проросла» в нашей голове, не понимая, как, когда и кто посеял ее там. Вполне возможно, пророческие послания часто доходят до «остатка» именно таким путем.

Если, к примеру, вы — писатель, оратор или проповедник, вы излагаете идею, которая случайно проникает в подсознание какого-то представителя «остатка» и там укореняется. Какое-то время она инертна, но затем воспаляется и начинает «свербеть» до тех пор, пока не попадает в сознание этого человека, и, так сказать, «заражает» его. Сам же он полностью забыл, как натолкнулся на эту идею, и возможно даже считает себя ее автором. Самое интересное в такой ситуации — то, что вы никогда не знаете, к каким поступкам эта идея его побудит.

Именно по этим причинам мне кажется, что работа Исайи не только хороша, но и чрезвычайно интересна — особенно сегодня, когда ею никто не занимается. Если бы я был молод и имел склонность к пророческому ремеслу, то несомненно избрал бы именно эту стезю; поэтому я без колебаний рекомендую такую карьеру тем молодым людям, кто обладает такой склонностью. Здесь есть неограниченное поле для деятельности и полностью отсутствует конкуренция: наша цивилизация до такой степени пренебрегает «остатком», что любой, кто готов обслуживать эту категорию «клиентов», вполне может рассчитывать на весь «рынок сбыта».

Даже если предположить, что массы все же способны внести какой-то вклад в спасение общества, что свидетельства истории об их социальной ценности чересчур суровы и вселяют чрезмерное чувство безысходности, у масс, как мне кажется, с избытком хватает своих пророков. Даже признав, что в исторической перспективе не все надежды человеческой расы следует возлагать исключительно на «остаток», можно предположить: он обладает достаточной ценностью для общества, чтобы удостоиться некоторого ободрения и утешения со стороны пророков, а наша цивилизация этого не обеспечивает. Пророки адресуются только массам и никому больше, голоса с амвона, с университетских кафедр, с политической арены, из сфер литературы, драматургии, журналистики — все они звучат только для масс и зовут их и идти дальше все в том же направлении.

Таким образом, талантливым людям, чувствующим в себе призвание пророка, стоит обратить взгляд в другую сторону. Вспомним Вергилия: «Отдал довольно ты и

Приаму, и родине!» Какие бы обязательства мы ни несли перед массами, они давно уже выполнены с лихвой. Пока массы поклоняются Молоху и Сатурну, следуют за звездой своего бога Банкомба, у них не будет недостатка в пророках, указывающих путь к Изобильной Обывательской Жизни. А потому некоторым из тех, на кого снизошло пророческое озарение, стоило бы поступить на службу «остатку». Это хорошая, интересная работа — куда интереснее, чем услужение массам: более того, насколько мне известно, это единственная работа в рамках нашей цивилизации, где вас ждет непаханое поле для деятельности.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Альберт Нок
Стоит ли работать Исайей?

ru.anarchistlibraries.net